



ОЧЕРКИ ТЕРСКОЙ СТАРИНЫ.

IV. Побѣги въ горы¹⁾.

Исторія одной раскольничьей обители у Шамиля (1848—1859).

11.

Мы рассказали исторію раскольнической обители у Шамиля²⁾. Но что же въ это время происходило на Линіи?

Побѣгъ пяти Червленцевъ лѣтомъ 1849 года сильно встревожилъ Гребенское начальство. Правда, и раньше скитничество въ Кумскихъ и Терскихъ лѣсахъ процвѣтало; въ безмолвіе лѣсной глуши удалялись казаки, склонные къ подвижничеству и ждали пришествія Антихриста вдали отъ мірской суеты. „Кизлярскіе коменданты³⁾ посылали драгунскія команды по лѣсамъ забирать гнѣздившихся тамъ раскольниковъ, какъ людей опасныхъ въ пограничномъ краѣ“. Но все это было дѣломъ далекаго прошлаго.

Командиръ Гребенского полка полковникъ баронъ Розенъ наивно писалъ⁴⁾ наказному атаману Феликсу Антоновичу Круговскому: „побѣговъ на богомолье до сего никогда не было“. О раскольникахъ-отшельникахъ очевидно забыли. Забыли потому, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ сумѣлъ развить у казаковъ національное чувство. Забыли еще потому, что во главѣ горцевъ стоялъ Шамиль, во владѣнія котораго зазорно было идти Русскому человѣку. И, забывъ про это историческое явленіе, упустивъ изъ виду законъ повторяемости извѣст-

¹⁾ См. 1912, I, 452.

²⁾ См. 1912, I, 64.

³⁾ И. Попко.

⁴⁾ Рапортъ 19 Іюля 1852 года № 3835. св. № 17, дѣло № 375.

ныхъ жизненныхъ событій, начальство рѣшило, если не разслѣдовать вполне причины побѣговъ казаковъ на богомолье въ горы, то во всякомъ случаѣ найти виновныхъ и потушить пожаръ.

Необходимость энергичныхъ мѣръ стала особенно очевидна, когда въ Ноябрь 1850 года вновь бѣжало изъ Червленной тринадцать душъ подъ предводительствомъ Ивана Башмакова. Дѣло принимало серьезный оборотъ: приходилось дѣйствовать. Командиръ Гребенского полка *), желая открыть истинную причину побѣговъ, назначилъ комиссію изъ одного штабъ и двухъ оберъ-офицеровъ.

Къ крайнему сожалѣнію, въ архивахъ Гребенского полка, и Войскового Дежурства Кавказскаго Линейнаго войска, какихъ-либо документовъ по этому вопросу нѣтъ, или (будемъ надѣяться) пока не найдено. Судя по описямъ, громадное число очень интересныхъ дѣлъ было уничтожено по минованіи десятилѣтней давности. Разные архивариусы и помощники старшихъ адъютантовъ, не имѣя возможности содержать архивы въ порядкѣ и заботясь только о необходимомъ мѣстѣ для вновь поступающихъ на храненіе документовъ, ревностно, на законномъ основаніи, уничтожали оптомъ все, чтѣ казалось не нужнымъ или потерявшимъ интересъ. Они конечно нанесли познанію старины гораздо больше вреда, чѣмъ хищники-любители, вырывавшіе и уносившіе изъ архивовъ отдѣльные драгоценные документы. Сія послѣдніе, хотя изрѣдка, но все-же обогащали исторію плодами своихъ дурныхъ инстинктовъ.

О дѣятельности комиссіи, назначенной барономъ Розеномъ, мы знаемъ очень мало. Послѣ тщательныхъ секретныхъ обысковъ и справокъ, она, хотя и не могла найти виновныхъ, но заподозрѣла главными участницами и побудительницами къ побѣгамъ женщинъ посторонняго вѣдомства (т. е. не казачекъ), живущихъ въ скитахъ Червленной станицы: „ибо онѣ, проживая издавна въ скитахъ при этой станицѣ и именуя себя монахинями, учили молодыхъ казаковъ фальшивымъ понятіямъ о религіи и ханжеству изъ собственнаго интереса, чѣмъ приобрѣли большое уваженіе и почтеніе, въ особенности же отъ казачекъ“. Къ такому рѣшенію, очевидно, пришли, исходя изъ побѣга въ горы двухъ монахинъ Евпраксей и Фелицитаты, будто бы пришедшихъ въ Червленскіе скиты изъ Иргизскихъ монастырей.

Затѣмъ комиссія выяснила передачу монахинями писемъ съ деньгами Червленскому казаку Меодію Богданчикову для пересылки въ разныя мѣста, заподозрѣвъ его въ знаніи о намѣреніи бѣжать въ горы

*) Предписаніе отъ Команд. войсками Кавказ. линіи 28 Сентября 1856 года № 20036.

не только двухъ монахинь, но всѣхъ казаковъ. „Богданчиковъ, имѣя почти постоянное пребываніе въ скитахъ“ (доносила комиссія) „завель и въ своемъ домѣ часовню, чѣмъ заслужилъ отъ нѣкоторыхъ жителей уваженіе. Къ тому общій голосъ подтверждалъ, что всѣ бѣжавшіе бывали у казака въ домѣ и вмѣстѣ съ нимъ въ скитахъ“. Было приложено даже пять писемъ, найденныхъ при обыскѣ одного скита, писанныхъ Богданчиковымъ къ монахинямъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ подписывается цифрами, а въ другомъ называетъ себя Меоодиємъ Смиреннымъ¹⁾.

Итакъ по мнѣнію начальства подстрекателями къ побѣгамъ являлись скиты и отдѣльные раскольничьи главари.

Виновность скитовъ была несомнѣнна; начальство распорядилось выслать на мѣста жительства въ Россію шестнадцать монахинь, обитавшихъ въ скиту въ Червленной. Относительно Богданчикова велось дополнительныя разслѣдованія для выясненія причастности еще и другихъ раскольническихъ учителей.

Но вотъ случились событія, пришедшія на помощь начальству.

Въ Ноябрѣ 1851 года²⁾ Кизлярскаго полка сотникъ Кирѣевъ представилъ своему командиру подполковнику Суходольскому, по долгу службы и присяги, письмо, адресованное на его имя и писанное къ родителямъ братомъ его фельдшеромъ Александромъ Кирѣевымъ, бѣжавшимъ, къ непокорнымъ горцамъ³⁾. Фельдшеръ Кирѣевъ между прочимъ писалъ, чтобы родители, если пожелаютъ отвѣтить, переслали бы письмо въ Червленную къ казаку Антону Шавыреву, который уже знаетъ, какъ поступить; вѣдь сынъ его также находится тоже въ горахъ.

Затѣмъ въ Февралѣ 1852 года Чеченскій приставъ маіоръ Доможировъ⁴⁾ прислалъ войсковому старшинѣ Тиханову два письма, посланныя жителями Калиновской станицы къ бѣжавшимъ въ горы и доставленные къ нему Староюртовскимъ жителемъ Далакъ-Алтемировымъ.

Обнаруживались сношенія съ бѣжавшими на богомолье Червленскихъ и Калиновскихъ казаковъ.

Переписка о фельдшерѣ поступила къ временно командующему Гребенскимъ полкомъ. Тогда войсковой старшина Тихановъ немедленно

¹⁾ Донесенія полк. барона Розена 25 и 27 Янв. 1851 г. № 1 и 3. (Самихъ рапортовъ не найдено).

²⁾ Рапортъ Команд. Греб. пол. Войск. Стар. Тиханова 22 Февраля 1852 г. № 10, св. № 17, дѣло № 375.

³⁾ Выписка изъ суднаго дѣла о сношеніяхъ казаковъ Червленной съ бѣжавшими въ горы. Св. № 17, дѣло 375.

⁴⁾ Рап. воск. стар. Тиханова 29 Февраля 1852 года № 1152 св. № 17, дѣло № 375.

предписалъ Полковому Правленію секретно приступить къ открытію законопротивныхъ дѣйствій казака Антона Шавырева¹⁾.

Полковое Правленіе прибѣгло къ дѣйствию, которое въ настоящее время называется провокаціею. оно было тогда въ большемъ ходу. Оно написало два подложныхъ письма: одно къ фельдшеру Кирѣеву, будто бы отъ его родителей, а другое отъ нихъ же къ Шавыреву съ просьбою переслать влагаемое въ горы.

Принимая эти письма отъ неслужащаго казака Карагичева, Шавыревъ поблагодарилъ: „Спаси Христосъ“.

Затѣмъ войсковой старшина Тихановъ сталъ выжидать: не объявитъ ли казакъ Антонъ Шавыревъ ему или начальнику станицы о полученіи законопротивныхъ писемъ. Но Шавыревъ молчалъ.

Наступило наконецъ шестнадцатое Февраля пятьдесятъ второго года. Командующій полкомъ получилъ отъ Чеченскаго пристава документы о сношеніи Калиновцевъ съ обителю въ горахъ. Прибылъ въ этотъ же день и бѣжавшій изъ горъ Василій Митрошкинъ, давшій весьма цѣнные для начальства показанія. Войсковой старшина Тихановъ побоялся затягивать дѣло и вызвалъ Шавырева въ Правленіе²⁾. Но старый раскольникъ сталъ на издревле испытанный въ то время способъ защиты: „Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“.

Тогда засѣдателю, сотнику Федюшкину, да начальнику Червленной хорунжему Пономареву приказали произвести обыскъ³⁾.

Искали, рыли, все перевернули. Наконецъ въ сундукъ жены бѣжавшаго Ефима Шавырева, въ маленькомъ узелкѣ нашли письмо: мужъ благодарилъ за присланный подрушникъ, за вѣточки и калачики, кланялся Меодію Маркеловичу Богданчикову за подарочки, а казаку (Сергѣеву просилъ передать признательность за старанія.

Сильно уже заподозрѣнный Богданчиковъ серьезно уличался. По представленію начальства главнокомандующій приказалъ предать военному суду Антона и Степаниду Шавыревыхъ, Богданчикова и другихъ причастныхъ лицъ⁴⁾.

Въ Тифлисъ придавали большое значеніе обители въ горахъ и понимали необходимость распутать таинственное и глубоко задуманное дѣло. На судъ предстало два, быть можетъ заблуждавшихся, но крѣпкихъ и сильныхъ духомъ человѣка. Два фанатика, но два нравственныхъ, глубоко религіозныхъ человѣка. Два казака преданныхъ, вѣроятно. идеѣ осуществленія неисполнимой мечты вольности и свободы.

¹⁾ Св. № 17, дѣло 373. Рапортъ войск. стар. Тиханова 17 Окт. 1852 г. № 5424.

²⁾ Рапорты войск. стар. Тиханова св. № 17, дѣло № 375.

³⁾ Рап. барона Розена 8 Юля 1852 г. № 272, св. № 17, дѣло 375.

⁴⁾ Рап. Пом. Нач. Гл. Шт. 6 Февр. 1853 г. № 342 св. № 17, д. № 375.

Предстала также казачка, обыденная чисто-Русская женщина, любящая мужа, готовая слѣдовать за нимъ на край свѣта.

Особенно выдѣлялся по облику Богданчиковъ, совсѣмъ молодой человекъ¹⁾ слабого тѣлосложенія, съ поврежденной ногой, съ шестнадцати-лѣтняго возраста ходившій на костыляхъ. Но тѣлесная немощь пробудила въ немъ духовную дѣятельность, направивъ умъ и сердце къ Богу.

Въ большой свѣтлой комнатѣ, на подобіе часовни обвѣшанной и обставленной старинными иконами, перешедшими отъ предковъ, весь обложенный книгами, въ молитвѣ и чтеніи пребывалъ Богданчиковъ, отдавая досуги обученію казачьихъ и офицерскихъ дѣтей грамотѣ, церковному пѣнію, Россійскому письму и переплету книгъ²⁾.

Такихъ старообрядческихъ школъ въ Червленной въ 1849 году было еще пять. Ихъ просвѣтительная дѣятельность въ глазахъ большинства властей и православнаго духовенства всегда казалась ничѣмъ инымъ, какъ пропагандою раскола. Думается, однако, что болѣе знакомое съ сущностью дѣла казачье начальство имѣло основанія считать ихъ лишь простымъ орудіемъ для пріобрѣтенія знанія и развитія ума среди дѣтей. Къ этому, повидимому, особенно стремился вполнѣ грамотный, развитой и начитанный Богданчиковъ, имѣвшій кромѣ церковныхъ и „книги гражданской Русской литературы, въ коихъ онъ почиталъ за благо упражняться, видя въ нихъ ученый плодъ“.

Великое уваженіе, которымъ пользовался Богданчиковъ, создавало ему выдающееся положеніе среди раскольничьихъ главарей. Оно вызывало и зависть старовѣрческихъ дѣятелей, обвинявшихъ Богданчикова въ куреніи табаку, чтеніи православныхъ книгъ и другихъ грѣховныхъ поступкахъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ принадлежности Богданчикова къ какой-нибудь новой въ то время сектѣ, усиленно распространявшей толки и разныя разсужденія, а въ особенности предсказанія о скоромъ пришествіи Антихриста съ цѣлью расположить казаковъ къ побѣгамъ въ горы, для спасенія души молитвами въ скрытыхъ мѣстахъ. Быть можетъ, этимъ и ограничивался единственно Богданчиковъ; но статья также, что манила-ли къ себѣ начитаннаго и образованнаго наставника мечта о созданіи въ горахъ вольныхъ казачьихъ станицъ, свободныхъ вполнѣ въ дѣлѣ вѣры и самоуправленія? Такъ надо думать, сопоставляя разныя намеки официальной переписки, вытекавшіе, вѣроятно, изъ содержанія канувшихъ нынѣ въ вѣчность секретныхъ бумагъ. Такъ слѣдуетъ еще полагать, взглядываясь въ свѣтлую фигуру Богданчикова и прислушиваясь къ ходящимъ еще по

¹⁾ Въ 1852 году было ему 24 года.

²⁾ Судебное дѣло, а также прошенія матери Богданчикова св. № 17, дѣло № 375.

Червленной преданіямъ о жизни безусловно-умнаго раскольника. На это наводитъ еще на мысль объ отношеніи Шамяля къ фактическому настоящему раскольничьей обители въ горахъ, къ Тимофеемъ Янхотову.

Антонъ Шавыревъ, человекъ старый, вполне сочувствовалъ Богданчикову, отличался также строгою жизнью, но былъ умомъ попроще. Вскорѣ послѣ преданія суду этотъ раскольникъ умеръ.

Въ Мартѣ 1853 года началось дѣло¹⁾ и по обычной въ то время волокитѣ, переходя отъ одного начальника къ другому, было конфирмовано временно-командующимъ войсками Кавказской линіи и Черноморіи лишь въ Сентябрѣ 1855 года²⁾.

Комиссія военного суда, признавъ Богданчикова и Шавырева виновными въ сношеніяхъ съ бѣжавшими на богомолье казаками и передачѣ имъ хлѣба и разныхъ вещей, а Степаниду Шавыреву въ намѣреніи бѣжать къ мужу, приговорила: Богданчикова, какъ вреднаго, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать шпицрутенами черезъ пятьсотъ человекъ два раза и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ. Степаниду Шавыреву, также лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать плетью черезъ палача двадцатью ударами и сослать въ каторжныя работы на шесть лѣтъ. А подсудимаго Шавырева за смертію „оставить безъ послѣдствій“³⁾.

Завѣдывавшій Кавказскимъ Линейнымъ войскомъ полковникъ Мейеръ посмотрѣлъ на процессъ въ высшей степени благожелательно. Судное дѣло поступило къ нему на заключеніе въ концѣ 1854 года, когда обитель уже развалилась и все предпріятіе потерпѣло неудачу. Полковникъ Мейеръ былъ склоненъ сильно смягчить участь подсудимыхъ, но тутъ Богданчиковъ по собственной винѣ вышелъ изъ равновѣсія и ухудшилъ свое положеніе⁴⁾.

Ореолъ, окружавшій Богданчикова въ станицѣ, захватилъ повидимому въ свои лучи и Гребенское начальство⁵⁾. Подсудимому, старались дѣлать всякія поблажки: его увольняли часто съ Червленской гауптвахты домой и къ знакомымъ, разрѣшали вести корреспонденцію по почтѣ черезъ разныхъ людей и даже офицеровъ; позволяли читать, переплетать и разрисовывать старовѣрческія церковныя книги. Словомъ Богданчиковъ пользовался необыкновенными льготами.

Но у кого нѣтъ на этомъ свѣтѣ враговъ? Нашлись конечно и у Богданчикова недоброжелатели и завистники. Послѣдовалъ доносъ, и

¹⁾ Выписка 1854 года, св. № 17, дѣло № 375.

²⁾ Предп. г.—л. Козловскаго 28 Сент. 1855 г. № 20036.

³⁾ Судебное дѣло 1854 года св. № 17, дѣло № 375.

⁴⁾ Докладъ 1854 года св. № 17, дѣло № 375.

⁵⁾ Отнош. Нач. Штаба 1855 г. № 2059, св. № 47, дѣло № 375.

высшее войсковое начальство распорядилось содержать подсудимаго подъ арестомъ, строго, согласно законамъ. Мѣра эта подорвала въ корень уже расшатанный престижъ Богданчикова среди Гребенцовъ.

Безусловно трудно было раскольничьему наставнику сидѣть подъ арестомъ, переживать всѣ тягости состоянія подъ судомъ. Но еще ужаснѣе было умному Богданчикову сознавать паденіе своего авторитета. Люди съ сильно развитымъ самолюбіемъ, знающіе себѣ цѣну и высоко о себѣ мнящіе, рѣдко сохраняютъ равновѣсіе до конца. Такъ случилось съ Богданчиковымъ. Онъ рѣшилъ возстановить свой престижъ какимъ-либо поступкомъ, который вызвалъ бы со стороны властей суровыя мѣры. „Тогда, быть можетъ“, думалъ Богданчиковъ „симпатіи сораскольниковъ вновь вернутся ко мнѣ, какъ къ мученику за старую вѣру“¹⁾.

Раскольничій главарь сталъ сопротивляться распоряженіямъ караульнаго начальства, началъ браниться, буйствовать и подстрекать арестантовъ къ неповиновенію. Но баронъ Розень былъ на сторожѣ и сразу понялъ въ чемъ дѣло. Тихо и спокойно, въ наказаніе за скверное поведеніе, онъ отправилъ Богданчикова къ Кизлярскому коменданту для содержанія въ крѣпостномъ казематѣ впредь до рѣшенія суднаго дѣла²⁾.

Проигравъ такимъ образомъ въ глазахъ единомышленниковъ. Богданчиковъ своими поступками могъ все же усугубить тягость положенія. Въ тѣ времена Фемида не шутила.

Но Кавказское начальство, повторимъ еще, было на высотѣ положенія. Оно не отклонилось до конца отъ намѣченной политики по отношенію ко всѣмъ виновнымъ въ созданіи обители въ горахъ.

Командовавшій войсками опредѣлилъ: „избавивъ Богданчикова отъ тѣлеснаго наказанія, отправить въ арестантскія роты въ Кіевъ на пять лѣтъ, а затѣмъ зачислить въ регулярныя войска. Степаниду же Шавыреву отъ наказанія совсѣмъ освободить, но для пресѣченія возможности сношенія съ мужемъ и побѣга въ горы переселить въ одну изъ станицъ внутренней четвертой бригады“³⁾.

Вскорѣ начальство убѣдилось въ дѣйствительности смерти въ горахъ Ефима Шавырева и вернуло Степаниду въ Червленную⁴⁾. Богданчиковъ же, по просьбѣ матери, былъ помилованъ и возвращенъ домой въ 1858 году⁵⁾.

1) Рапортъ бар. Розена 1855 года № 3744.

2) Рапортъ полк. Мейера 1855 г. № 5377.

3) Преди. г.—л. Козловскаго 1855 г. № 20036. св. 17, дѣло 375.

4) Преди. Штаба войскъ Кавк. Линіи 1856 г. № 14176 и прошеніе Шавыревой 25 Марта 1866 г. св. 17, дѣло 375.

5) Преди. нач. гл. шт. 1858 г. № 732. св. № 17, дѣло 375.

Во время своего нахождения въ Кіевѣ, Богданчиковъ, по ходящимъ преданіямъ написалъ рукопись „Желѣзный вѣкъ“, будто бы сохранившуюся еще у родныхъ. О немъ до сихъ поръ въ Червленной живетъ добрая память.

Перенесемъ изъ Червленной въ Калиновскую. Вернемся къ письмамъ присланнымъ маіоромъ Доможировымъ*).

Начальству было совершенно ясно, что сношенія съ бѣжавшими въ горы поддерживали и Калиновцы: отставной хорунжій Растеряевъ, урядникъ Аревъ, казаки Ларіонъ Епифановъ, малолѣтній Фока Персіановъ, Ефросинья Ремизова и Прасковья Кудрявцева. Ихъ арестовали, но обыскъ ничего не далъ. Наученные Червленскими событіями, Калиновцы приняли предосторожности.

И тутъ обвиняемые пустили въ ходъ разные извороты: все велось крайне толково и умѣло. Дѣло запутывалось и затягивалось, дополнялось и пересматривалось и завершилось лишь въ пятьдесятъ шестомъ году.

Но тогда про обители почти забыли.

По конфирмаціи командующаго войсками хорунжему Ремизову было вмѣнены въ наказаніе судъ и содержаніе подъ арестомъ при производствѣ дѣла, Арева и Кудрявцеву совершенно простили.

Калиновцы отдѣлялись еще легче Червленцевъ.

Когда оглянешься назадъ на все рассказанное, сердце невольно радуется, что идея образованія вольныхъ казачьихъ станицъ и скитовъ у горцевъ подъ покровительствомъ Шамиля, въ самое острое время Кавказской войны, потерпѣла неудачу. Случилось это конечно благодаря умнымъ мѣрамъ Кавказскаго начальства, промаху Шамиля, не съумѣвшего обращаться съ раскольниками, а въ особенности вслѣдствіе близорукости самихъ сектантовъ, пустившихъ въ обитель не желательный элементъ, а главное не подходящихъ женщинъ.

Все это такъ конечно. Но если бы даже обстоятельства сложились въ пользу мечтателей воскрешенія казачьихъ идеаловъ, мысль не имѣла бы успѣха. Все хорошо въ свое время. А пятидесятые года прошлаго столѣтія безусловно не допускали возможности уклоненія вѣрнаго Россіи Терскаго казака отъ наслѣдственно переданнаго ему долга служить дѣлу распространенія и укрѣпленія владычества своего Царя на Кавказѣ.

Ведоръ Чернозубовъ.

*) Св. № 17, дѣло 397 о сношеніяхъ съ бѣжавшими жителями Греб. полка отставн. хорун. Ремизова и другихъ.